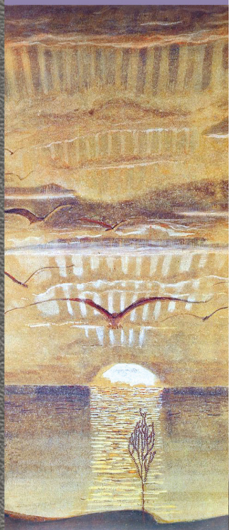

ЧЮРЛЁНИС

Юрий
Шенябский,
Владимир
Желнов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Юрий Л. Шенявский
Владимир Г. Желтов
Чюрлёнис

**Серия «Жизнь замечательных
людей», книга 1981**

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70367341
Чюрлёнис: Молодая гвардия; Москва; 2023
ISBN 978-5-235-04799-0

Аннотация

Микалоюс Константинас Чюрлёнис – выдающийся композитор, родоначальник литовской симфонической музыки, уникальный художник, сделавший попытку слить воедино два вида искусства – музыку и живопись. Он не имел предшественников и не оставил последователей – его жизнь трагически оборвалась в расцвете таланта – в 35 лет. Однако в его наследии – около 400 музыкальных произведений и свыше 300 картин. Он серьезно изучал точные науки, интересовался астрологией, мифологией, философией, религиоведением, успел проявить себя как поэт, публицист, фотограф-экспериментатор.

Чюрлёниса называют «литовским гением», «визитной карточкой литовского народа». Но только ли литовского?.. Сын скромного органиста достиг в своем творчестве философских

вершин, прославился как «живописец в музыке и музыкант в живописи», которого по разносторонности дарования сравнивают с великими мастерами эпохи Возрождения.

Книга «Чюрлёнис» – итог исследовательской работы Юрия Шенявского, посвятившего свою жизнь изучению биографии и творчества Чюрлёниса, написанная в соавторстве с журналистом и писателем Владимиром Желтовым.

Содержание

Вместо предисловия – от авторов	7
Пролог. В «укромном местечке Дайнавского края»	9
Немного предыстории	11
«Ну-с, малый!»	13
«Моим сватом стал оргán!»	15
Глава первая. «Как некогда, когда я был еще ребенком...» (1875–1889 годы). Ораны – Друскеники	20
«Литовский Баден-Баден»	23
«На берегу то ли озера, то ли моря»	30
«Щедрость Кастукаса из детства»	34
До Перми и «даже дальше»	38
Дотянуться до клавиатуры	41
Проходя мимо костела	45
Едва ли они были знакомы	47
«Память о нем нуждается в защите от забвения»	49
«Полька-сторублевка»	59
«Не успеваю за собой записывать»	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юрий Шенявский

Чюрлёнис

© Шенявский Ю. Л., Желтов В. Г., 2023

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2023

* * *

Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.
Ветхий Завет. Второзаконие (5:16)

До чего же прекрасна наша Литва! Прекрасна своей печалью, прекрасна простотой и сердечностью. Нет здесь ни гор, подпирающих облака, ни каскадов грохочущих... Поле, словно огромный шелковый ковер в темно- и светло-зеленую клетку; по полю смешно петляет дорога, пропадая где-то в оврагах; у дороги крест, а рядом береза стоит и плачет. Далеко на горизонте синее лес. Приблизься к нему – и он таинственным шепотом поведает тебе старую-престарую легенду...
Микалоюс Константинас Чюрлёнис

Просто невозможно выразить, как я взволнован

этим поистине магическим искусством, которое обогатило не только живопись, но и расширило наш кругозор в области полифонии и музыкальной ритмики. Каким плодотворным могло бы быть развитие этого открытия в живописи больших пространств, в монументальной фреске! Это новый духовный континент...

Ромен Роллан

Он прожил недолго и тяжело, но оставил нам удивительные картины. На них присутствует небывалый, похожий и непохожий на наш мир с нездешними красками и формами. Мир тонкий и прозрачный. В нем нежно и зазывающе, как будто перезвон хрустальных колокольчиков, звучала странная музыка, несущая в себе тайну мироздания...

Елена Рерих

Вместо предисловия – от авторов

В этой книге мы не имели целью делать профессиональный разбор музыкальных, живописных, поэтических произведений Микалоюса Константинаса Чюрлёниса¹. Заинтересовавшимся читателям мы рекомендуем следующие издания на русском языке: «Воспоминания о М. К. Чюрлёнисе» Ядвиги Чюрлёните, «Соната весны» и «Творчество Чюрлёниса» Витаутаса Ландсбергиса, «Мир как большая симфония» Марка Эткинда, «Гимн солнцу: Чюрлёнис» и «Искусство Чюрлёниса» Феликса Розинера.

Наша задача – рассказать о жизни и творчестве литовского гения, его сложной судьбе, о его признании во всем мире.

В книге не единожды будет фигурировать написание фамилии – Чурлянис – под такой фамилией Микалоюс Константинас был известен при жизни и несколько десятилетий позже, до начала 1960-х годов. При жизни он будет и Николай Константинович Чурленис – русская форма имени. И только с середины 60-х годов XX века установилось написание в русскоязычных текстах Микалоюс Константинас Чюрлёнис.

Микалоюс Константинас Чюрлёнис – превосходный композитор, классик литовской национальной музыки, удиви-

---

¹ Mikalojus Konstantinas Čiurlionis (*лит.*); Mikołaj Konstanty Czurlanis (*польск.*).

тельный, уникальный художник, сделавший попытку слить воедино два вида искусства – музыку и живопись. Поэтому его называют живописцем в музыке и музыкантом в живописи.

В своем творчестве Чюрлёнис гениально выразил романтику, мечту и фантазию. Он обращался к темам вселенной, природы и человеческого бытия, выбрав в искусстве новый, нехоженый путь, и стал «вестником иных миров».

Оригинальность его творчества таится в способности смотреть на окружающий мир глазами философа, поэта и музыканта. Он не имел предшественников и не оставил последователей – его жизнь трагически оборвалась в расцвете таланта – в 35 лет. Из них всего шесть лет были посвящены живописи, но за этот короткий период Чюрлёнис, став художником-новатором, успел создать около трехсот неповторимо своеобразных произведений, пронизанных музыкой, страстью и напряженными исканиями.

Пролог. В «укромном местечке Дайнавского края»

Чем дальше от нас уходит время, когда творил Микалоюс Константинас Чюрлёнис, тем с большим вниманием, интересом, пониманием мы относимся к его творчеству.

Нельзя оставаться равнодушным, стоя перед его картинами. Каждый человек, каждое поколение открывает и будет открывать для себя вновь и вновь творения Чюрлёниса. Видеть и слышать в них только свое, понимать их по-своему. В этом его вечность, в этом тайна всё возрастающего интереса к нему и его творчеству, в этом ценность его искусства. Творчество Чюрлёниса совершенно неповторимо, оно иногда непревратно, и в этом тоже его прелесть. Счастливы те люди, которые знакомятся с ним впервые – перед ними открывается нечто новое! Он художник мысли, символа, философии, фантазии, его работы музыкальны, сказочны. Можно по-разному относиться к его творчеству, но одно неоспоримо – нельзя оставаться равнодушным перед его картинами, слушая его музыку. Он соединил музыку и живопись и внес туда поэзию. Он впервые открыл нам космизм в живописи. Он создавал не просто музыкальные симфонии, он создавал симфонические поэмы. Это были поэмы пробуждающегося леса, моря спокойного, но вдруг поднимающегося

огромные волны. Он создавал музыку на своем мольберте. Его живописные сонаты Солнца, Весны, Моря звучали красками, в них жила музыка. Уже в наше время один пианист, впервые увидев Allegro «Сонаты звезд», воскликнул: я обязательно это сыграю! Но как могло случиться, что, выросший в крестьянской среде, он достиг философских вершин в своем творчестве, стал родоначальником литовской симфонической музыки, стал первым космистом в живописи? И все это за свои короткие 35 лет жизни, за девять лет творческой жизни.

Биография человека начинаться должна задолго до его рождения. Насколько «задолго»? Это уж как кому повезет – либо с родословной, либо с потомками, интересующимися своим родословием. К сожалению, в большинстве случаев многие из нас знают своих предков в лучшем случае на уровне дедов или прадедов. Такое впечатление, что деды и прадеды появились на свет божий от Адама и Евы. Причин тому может быть много, и не только то, что мы «ленивы и нелюбопытны».

В случае с гением не только литовского народа Микалоюсом Константинасом Чюрлёнисом на сегодняшний день ситуация обстоит примерно так же... Вот поэтому мы хотим, прежде всего, познакомить читателя с его корнями.

Немного предыстории

Отец Микалоюса Константинаса Чюрлёниса Константинас родился в 1846 году (по другим источникам около 1846 года) в большой литовской деревне Гуобиняй Лишкявского прихода Гродненского уезда Гродненской губернии² в многодетной семье вольного крестьянина Стасиса Чюрлёниса.

Согласно семейным преданиям, Стасис Чюрлёнис – человек был трудолюбивый, строгий, скупой и неразговорчивый, что не помешало ему в третий раз жениться в возрасте восьмидесяти лет. Можно предположить, что сына Константинаса родила не последняя его жена.

Мать свою Константинас (отец нашего героя) не помнил; вероятно, она умерла вскоре после его рождения. Родился Константинас в поле, во время уборки урожая. Домой младенца привезли на телеге не то с сеном, не то со снопами.

До революции 1917 года записи гражданского состояния (рождения, браки, смерти) у населения, исповедующего христианство, велись церковнослужителями в метрических книгах церковных приходов, прихожанами которого являлись жители населенного места.

Католические метрические книги состояли из трех томов: «О родившихся» (на латыни «Liber Natorum») или

---

² Ныне Лишкява и близлежащие деревни относятся к Варенскому району Алитусского уезда Литвы.

«О крещёных» («Liber Baptisatorum»); «О бракосочетавшихся» («Liber Matrimonium», «Liber Copulatorum») и «Об умерших» («Liber Mortuorum», «Liber Defunctorum») или «О погребённых» («Liber Sepultorum»).

Чюрлёнисы были католиками.

Поскольку Литва входила тогда в состав Российской империи и все официальные документы оформлялись на русском языке, Константинас, вероятно, в метрической книге был записан как Константин. Мы же будем называть отца нашего героя так, как его называли при жизни. Вероятно, записан он был под фамилией Чурленис. Согласно правилам орфографии русского языка после *ж, ч, ш, щ* не пишутся *ю, я, ы*, а пишутся *у, а, и*; исключение иноязычные слова и имена собственные.

Известны разные варианты написания фамилии: Чурлёнис, Чюрлионис, Чурлянис. В 1909 году в официальных документах, в частности, при заключении брака фамилия нашего героя писалась через «я» – Чурлянис.

Ко времени окончания начальной школы Константинас свободно говорил и писал по-русски, что в имперском государстве, конечно же, приветствовалось. К тому же он мастерски овладел каллиграфическим почерком. (И то и другое ему пригодится во взрослой жизни.)

«Ну-с, малый!»

Константинас, родившийся в крестьянской семье, сиз-мальства к сельскохозяйственному труду, к делам по хозяйству интереса не проявлял; в отрочестве и вовсе ошарашил отца с матерью, заявив, что мечтает стать органистом. (Родители знали, что сын много времени проводит в костеле, где орган, по его словам, «поет сразу на несколько голосов».)

Константинас постигал умение играть на полюбившемся инструменте у местного органиста. Впоследствии своим детям он частенько рассказывал о нем – первом и единственном в его жизни учителе музыки. Имя органиста не сохранилось, воспоминания же отца Ядвига Чюрлёните приводит дословно, как прямую речь:

– Это был толстый, медлительный в движениях старик. Перед каждым уроком он вынимал из кармана большой синий носовой платок, с его помощью прочищал свой большой красный нос, после чего, складывая платок и возвращая его в карман, говорил, обращаясь ко мне по-польски: «Ну-с, малый!» И хотя слух у меня был отменный, мне слышалось: «Нос малый». Я не понимал, зачем он обращает мое внимание на свой нос и почему говорит неправду: это у него-то нос малый?!

То, что органист даже с «малым» учеником говорил по-польски, не значило, что он поляк; мог быть и литовец. Го-

ворить по-польски считалось правилом хорошего тона; русский язык был официальным, а литовский считался «мужицким». Константинас же овладел и тем, и другим, и третьим.

Исследователь жизни и творчества нашего героя Феликс Розинер в книге «Искусство Чюрлёниса» пишет, что происходило это в местечке Лишкява, что северо-восточнее курортного городка Друскеники³. Возможно. И в настоящее время главная достопримечательность Лишкявы – барочный ансамбль костела Пресвятой Троицы и доминиканского монастыря (вторая половина XVIII века). Конечно же, в костеле был орган.

Можно предположить, что Константинас мог стать большим музыкантом и даже композитором, но отсутствие средств на обучение не позволило ему получить настоящее музыкальное образование.

Уже будучи отцом семейства, Константинас упражнялся в игре на пианино. Ядвига Чюрлёните вспоминет нотную тетрадь отца – старую, истрепанную, с клавирами оперных увертюр, фантазиями и попури, маршем из оперы Беллини «Норма»; дома он обычно исполнял марш по разным торжественным случаям. Придет время, и старший сын, Микалоюс Константинас, специально для отца будет сочинять органные прелюдии.

---

³ Ныне Друскининкай, Литва.

«Моим сватом стал оргán!»

Наверное, не без протекции своего учителя Константина начал свою трудовую деятельность органистом в Лишкяве. По свидетельству современников, был он замечательным органистом.

Его исполнительское искусство покорило юную прихожанку по имени Аделе. Аделе Радманайте. Была она из семейства евангелистов, эмигрировавших из баварского Регенсбурга, где евангельские христиане подвергались гонениям со стороны католической церкви.

По каким причинам именно в городишке Сейрияй образовалась колония «беглых» евангелистов, историкам еще предстоит установить. Известно, что немецкими поселенцами в Сейрияе была выстроена не только евангелическая церковь, но и начальная школа. Прижились в «укромном местечке Дайнавского края⁴» (определение поэта Антанаса Венцловы) и предки Аделе. Немецкая фамилия Радман обрела традиционные литовские суффиксы, и представительницы женского пола именовались Радманайте.

Аделе родилась в 1854 году. При крещении девочка получила сразу четыре имени – Аделе Она Мария Магдалена.

---

⁴ Дайнавское (Дайновское) удельное княжество (XIII–XIV века) в составе Великого княжества Литовского занимало территорию между реками Неманом и Вилисией.

Отец Аделе (дед М. К. Чюрлёниса; имя неизвестно, предположительно, Радманас) был народным художником, изготавливал статуэтки из дерева и янтаря и продавал их во время праздников и ярмарок. Был он силач, к тому же из тех, что любят силушку свою показать.

Семейная легенда гласила: однажды Радманас поспорил с мужиками, что вырвет из земли дерево с корнями. (Вероятно, не дерево – деревце, однако и это редко, кому под силу.) Спор он выиграл да тут же упал на землю, кровь горлом хлынула. Вскоре Радманас умер. Было ему лет сорок. Без отца остались пятеро деток. (О супруге Радманаса мы, к сожалению, ничего не знаем.) Аделе исполнилось всего четырнадцать. Ее забрал к себе в дом, в город Олиту⁵, кузен Шмитас. Аделе помогала кузену и его жене по хозяйству. Шмитас занялся и ее образованием. Девочка оказалась способной к языкам. Свободно овладела русским, польским, литовским. Знала немецкий. Шмитас пристроил Аделе (в подростковом возрасте) воспитательницей детей графа Опермана в поместье Анишкяй. Воспитательнице приходилось выполнять всякую работу. Позднее – до самого замужества – служила в гардеробной. Оперманы относили к ней хорошо и даже несколько раз брали с собой в Гродно и Вильну⁶, где она вместе с ними побывала в драматическом театре и «даже слушала итальянскую оперу».

---

⁵ Ныне Алитус, Литва.

⁶ С 1939 года Вильнюс, Литва.

– Вы знаете, была я евангеличка, но при первой возможности в Лишкяве посещала католический костел, обычно с семейством графа, – делилась воспоминаниями со своими детьми Аделе годы спустя. – Я не очень разбиралась в католическом богослужении, да и не из любопытства туда ходила, а из-за чарующей органной музыки, которую понимала, как вы понимаете, без переводчика и принимала всем сердцем. Возвращаясь из костела домой, мне казалось, я продолжаю ее слышать!

Это было чем-то вроде предисловия к повествованию о знакомстве с будущим мужем. Рассказ Аделе либо начинала, либо завершала одной и той же фразой:

– Моим сватом стал оргán! С органистом мы случайно встретились во дворе костела. Я не сдержалась и высказала Константинасу свое восхищение его игрой.

Супруг пояснял:

– Я давно уже заметил молодую красивую темноволосую девушку, своим обликом и поведением выделявшуюся среди остальных прихожан.

– Это, вероятно, потому, что во время богослужения я то и дело невольно оглядывалась, задирала голову и смотрела на хоры – там был орган, – посмеивалась Аделе. И признавалась: – Во дворе костела я обратила внимание, что и органист хорош собой.

Константинас был статным молодцем среднего роста; орлиный нос с небольшой горбинкой, глаза – голубые, воло-

сы – русые, расчесанные на пробор, весьма внушительные усы, придающие лицу солидность.

Хороша ли была собой Аделе? Ядвига Чюрлёните пишет: «Не осталось ни одного ее портрета дней юности, но Кастукас рассказывал нам, что мама была очень хороша собой. “Ни одна из вас не может сравниться по красоте с мамой”, – говорил он. Я же помню ее уже поседевшей. Но лицо у нее было еще совсем гладкое, без морщин, глаза карие, цвет лица матовый – в этом Кастукас походил на нее».

Сохранился фотографический, значительно более позднего времени, парный портрет Аделе и Константинаса. Их облики полностью совпадают с приведенными словесными портретами – с поправкой на возраст, разумеется.

«Ее движения и походка и с возрастом остались живыми, энергичными. Особенно вспоминается ее добрый взгляд и ласковая, словно бы утешающая улыбка, в которой порой искрилось веселое лукавство», – добавляет Ядвига Чюрлёните, характеризуя мать.

Как отнеслись к возможной женитьбе сына родители Константинаса, неизвестно.

Аделе привела жениха в дом Оперманов – знакомить. Едва ли он произвел на них негативное впечатление. Но, понятно, Оперманам не хотелось лишиться воспитательницы (читайте – служанки), каких днем с огнем во всей Литве не найдешь. «Аделе собралась замуж – за кого? За какого-то органиста?!»

Графиня стала в самых нелестных словах рисовать девушке ее будущую жизнь. Все пустое! Для влюбленного сердечка разве сыщется уздечка?!

Константинас Чюрлёнис и Аделе Радманайте обвенчались в Лишкяве.

Во время венчания жених не удержался, попросил органиста уступить ему ненадолго место за пультом (рабочее место органиста) и исполнил марш из оперы Беллини «Норма».

Случилось это в 1873 году.

Глава первая. «Как некогда, когда я был еще ребенком...» (1875–1889 годы). Ораны – Друскеники

Молодые поселились в маленьком городке Ораны, что на юге Литвы. Именно там 22 сентября 1875 года⁷ у супругов Чюрлёнис родился первенец – герой нашего повествования.

Ораны – таково до 1917 года официальное (польское) название современной Варены – упоминаются впервые в 1413 году. После открытия в 1862 году железной дороги Санкт-Петербург – Варшава появилось поселение Варена-2 с железнодорожной станцией, а прежняя Варена (в пяти километрах от железной дороги) стала называться Старая Варена (*Senoji Varena*). В 1946 году Варена получила статус города.

Варена, по непонятным нам причинам, часто «выпадает» из биографии Чюрлёниса. Иногда, даже в солидных изданиях, местом его рождения называют Друскининкай. А экскурсионные туры «По местам Чюрлёниса» редко включают Варену в свои планы. И напрасно.

Всего у Константина и Аделе Чюрлёнис было девять детей: пятеро сыновей и четыре дочери.

---

⁷ Здесь и далее даты приводятся по новому стилю.

В 1879-м родилась Мария, в 1881-м – Повилас, в 1883-м – Юзе, в 1887-м – Стасис, в 1890-м – Пятрас, в 1893-м – Йонас, в 1896-м – Валерия, в 1899-м – Ядвига.

Ядвига Чюрлёните – музыковед, профессор Вильнюсской консерватории, автор «Воспоминаний о М. К. Чюрлёнисе». Мемуары написаны хорошим литературным языком, что говорит о ней как о мастере художественного слова (в прямом, а не в переносном значении). Книга, переведенная на русский язык Алисой Берман, издана в Вильнюсе в 1975 году. Она служит наиболее полным источником, из которого практически все авторы, пишущие о Чюрлёнисе, черпают информацию о его детстве, взаимоотношениях в семье. Но и в этой книге есть неточности, aberrации.

Итак, 1875 год. Имя первенцу дали двойное – Микалоюс Константинас. Константинас – по отцу.

Ядвига Чюрлёните объясняла: «...у нас в семье бытовала традиция крестить детей двумя, а иногда и больше именами, пришла она от родных матушки».

Аделе считала неправильным употребление только одного, первого, имени – Микалоюс, так как «в будущем этого может внести путаницу в его биографию». К сожалению, «путаницу» вносит то обстоятельство, что отец и сын носили одно имя – Константинас. В тех случаях, когда они в тексте фигурируют одновременно, старшего будем называть Константинас (отец).

В семье, дома, Микалоюса Константинаса называли Константом, уменьшительно-ласкательно – Костеком. Когда подросток – Кастукасом. Константом будут называть Чюрлёниса и его варшавские друзья, а еще – на польский манер – Кастусем. Жена София – по-жемайтйски – Каститисом. (Это читателю необходимо помнить и иметь в виду.)

В России, позднее – в Советском Союзе Чюрлёнис имел русское имя и даже «обрел» отчество – Николай Константинович. Только к середине 1950-х «выяснили», что у Чюрлёниса двойное имя. Отчества же у литовцев появились после насильственного присоединения прибалтийских государств к Советскому Союзу; младшие сестры Чюрлёниса Ядвига и Валерия стали Константиновнами.

«Литовский Баден-Баден»

В 1878 году, когда Кастукасу (в семье он еще единственный ребенок) было три года, семья Чюрлёнисов переехала в курортный городок Друскеники.

В книгах мемуарного жанра, в исследовательских работах, в различных публикациях в прессе, в книге Ядвиги Чюрлёните «Воспоминания о М. К. Чюрлёнисе», Друскеники фигурируют под современным названием Друскининкай, даже когда она приводит фрагменты писем брата.

Друскеники (со 2 ноября 1939 года до 6 ноября 1940 года входившие в состав Белорусской ССР) с образованием Литовской ССР и включением ее в состав СССР вместе с окрестными деревнями были переданы новой советской социалистической республике. Тогда-то, в 1940-м, название города видоизменилось – за счет литовского суффикса «кай», означающего место.

Происходит же оно от литовского *druskininkas*, означающего «занимающийся соляным промыслом», которое в свою очередь производное от слова *druska* – «соль».

Первое упоминание деревни Друскеники в исторических источниках относится к 1563 году.

Курортом Друскеники фактически становятся в конце XVIII века, когда личным врачом последнего польского короля и великого князя Литовского Станислава Августа По-

нятовского были экспериментально подтверждены целебные свойства минеральных источников.

Профессор химии Виленского университета Игнатий Фонберг, и сам проводивший исследование минеральных вод в Друскениках, свидетельствует: в 1830 году Румелл впервые произвел химический анализ воды одного минерального источника в деревне Друскеники и установил наличие солей натрия и кальция, а также гипса и сульфатов магния. На основании этих данных Гродненское общество врачей впервые дало бальнеологические указания для посетителей минеральных источников Друскеник.

В 1835 году Фонберг представил на Высочайшее имя доклад о лечебных свойствах минеральных источников, после чего в декабре 1837 года Высочайшим повелением государя Николая I официально был основан курорт Друскеники.

В 1861 году в городе зафиксировано девять минеральных источников, а в 1884 году их было уже шестнадцать.

В 1837 году в городе начинается строительство водолечебницы, гостиниц. Открывается курзал. Город становится не только местом лечения, но и местом развлечений. Спектакли, концерты, танцы – в Друскениках не соскучишься!

В теплое время года сюда «на воды» стекались, прежде всего, конечно, состоятельные обыватели. Курортники пили целебную воду, прогуливались по парку и в курзале, купались в Немане и в озерах – Друсконис, Виюнелес и Мяргялю Акис, окружённом лесом. Еще три пруда – на реке Ратниче-

ле, на юго-восточной границе города.

Уже в первой половине XIX века во время курортных сезонов Друскеники становятся «летней столицей» Литвы, поскольку в Европе распространилась мода пребывать летом «на водах», а польско-литовская знать и интеллигенция своим патриотическим долгом полагали пребывание на своем, литовском, курорте.

В конце XIX века в Друскеники приезжают из Варшавы и Санкт-Петербурга, из Москвы и Киева.

Расположен город на берегах могучего Немана в районе впадения в него маленькой бурной речки Ратничеле, на равном расстоянии (порядка 130 километров) от обеих литовских столиц: современной – Вильнюса и Каунаса, являвшегося столицей Литовской республики с 1919 по 1940 год.

Во времена, когда между выездом за рубеж большинства советских граждан и космическим полетом можно было ставить знак равенства, Друскининкай называли «литовским или нашим Баден-Баденом». Впрочем, так его именовали разве что реже, и в царской России. Ныне это – бальнеологический, грязевой и климатический курорт. Один из красивейших в Европе.

В Друскининкае курортникам и туристам непременно расскажут легенду о том, что долина рядом с городом поглотила город Райгардас – он ушел под землю с башнями, замками, костелами и колокольнями, и что и в наше время по ночам можно услышать крики людей, взывающих о милосер-

дии, звон колоколов и волшебную музыку. Выход из подземного города по легенде перекрыт на краю долины Чёртовым камнем. Слезы заточенных жителей собираются в подземное озеро – отсюда и соленые воды Друскининкая.

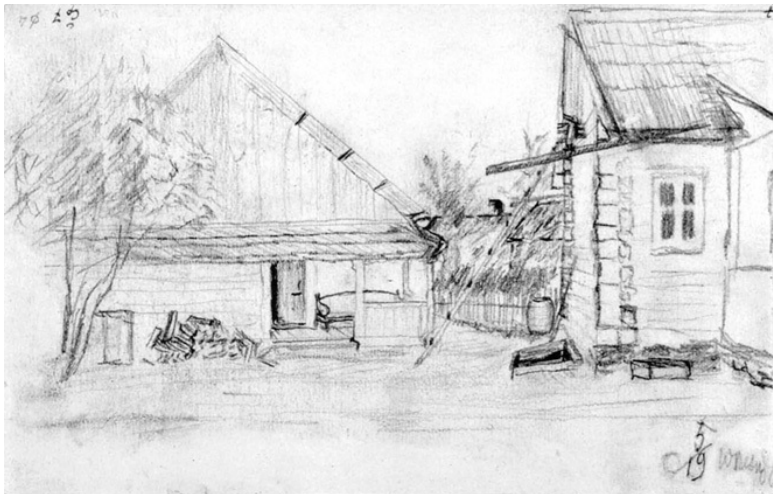
И по сей день в долине, окруженной вековым лесом, не растут деревья!

Долина Райгардас – одно из излюбленных мест Чюрлёниса. Он напишет пейзаж-триптих «Райгардас», в котором найдет отражение легенда о трагедии города, такая же легенда, как об «острове любви» на Немане. «Остров любви» подвигнет его к написанию одной из самых загадочных картин – «Покой».

В 1963 году в Друскининкае в «родительском доме» Чюрлёниса создан его мемориальный музей⁸. Все правильно. Именно – в «родительском доме». Но даже в официальных изданиях можно встретить следующее: «Дом, в котором прошли детство и юность М. К. Чюрлёниса...» А вот это неверно. Поскольку усадьбу с двумя домами на Надозерной улице Чюрлёнисы приобрели в 1896 году, когда Кастукасу был уже 21 год, да и бывал он в Друскениках только наездами.

---

⁸ Дом-музей М. К. Чюрлёниса; современный адрес: Друскининкай, ул. Чюрлёниса, 35.

«Родительский дом» в Друскениках. Рисунок М. К. Чюрлениса. 1905 (?) г.

В Доме-музее М. К. Чюрлёниса в Друскининкае. *Современный вид*

До 1896 года Чюрлёнисы жильё снимали. Но вот что интересно (можно сказать – мистическая история!): сразу после переезда в Друскеники они поселились и какое-то недолгое

время жили в одном из тех домов, где сейчас музей.

Потом снимали жильё у известного скряги, «достойного пера Мольера» (определение Ядвиги Чюрлёните), хорошо известного всему городу не по фамилии, а по прозвищу, являющемуся точной его характеристикой, – Крисюкас. Вообще-то крыса по-литовски *žiurkė*, но жители Друскеник в большинстве своем владели русским языком и при желании могли трактовать и «говорящую» фамилию, как им угодно.

Жил Крисюкас на берегу озера Друсконис, при въезде в город со стороны Гродно, на улице, которая так и называлась – Гродненская. В его доме, «скромном, побеленном», и поселились Чюрлёнисы, здесь у Константинаса и Аделе родились шестеро детей – исключение Константинас, Юзе и Ядвига.

«На берегу то ли озера, то ли моря»

У литовской местности Дзукия, где находится Друскининкай, есть еще одно название – Дайнава.

«Дайна» в переводе с литовского – «песня».

Народная песня и фольклор с раннего детства окружали Кастукаса. Аделе знала много народных песен, сказок, легенд – немецких, польских, литовских – и рассказывала их детям, укладывая спать, либо, как говорится, длинными зимними вечерами, когда все дела по дому были ею переделаны.

Старшая сестра Константинаса (отца) «тетя Вакене», традиционно приезжавшая к брату на Пасху из деревни в Друскеники, народных песен знала, возможно, и поболее Аделе. Перед тем как затянуть одну из них, подбивала подпевать племянников – Кастукаса, Марию, Повиласа, Юзе, Стасиса, Пятраса – в зависимости от того, кто ко времени ее визита был к этому уже способен.

Тетя Вакене обратила внимание, что особенно внимательно слушает ее пение Кастукас. Вначале он просто слушал, а когда научился писать, без чьей-либо подсказки стал записывать слова песен, что немало удивляло не только певунью.

Перед сном Кастукас, а затем и его братья с сестрами просили:

– Мама, расскажите сказку про Эгле.

(В Литве дети к родителям обращались на «вы».)

И Аделе, отставив прялку к окну (чтобы ночью спростонья никто на нее не налетел), присаживалась на край кровати и, облокотившись на высокую деревянную спинку, тихонько начинала:

– В давние-давние времена на берегу то ли озера, то ли моря – по-разному старики сказывали – в одной литовской деревне жила очень красивая девушка, звали ее Эгле. У Эгле было столько-то сестер и столько-то братьев. Однажды под вечер отправились сестры на озеро или на море купаться...

Сказка «Эгле – королева ужей» считается одной из самых старинных в литовском и балтийском фольклоре. Особо любимой эта сказка была не только в доме Чюрлёнисов – во многих литовских семьях.

Позволим себе дорассказать сказку до конца – один из ее вариантов, коих насчитывается более сотни. Но предупредим: частый персонаж литовского фольклора – уж – олицетворение мудрости.

Выйдя на берег озера (в других вариантах – моря) после купания, Эгле обнаружила на своей аккуратно сложенной одежде ужа. Уж предложил девушке выйти за него замуж – в противном случае не отдаст одежду. Сестры уговорили Эгле согласиться. Через три дня несколько ужей от имени царя озерных (морских) вод пришли за невестой. Родители Эгле решили схитрить и обмануть, как они посчитали, глупых пресмыкающихся – и по очереди выдавали им как невесту – гусыню, овцу и корову. Но кукушка

каждый раз раскрывала обман. На четвертый раз Эгле согласилась уйти с ужами в озеро (море). На дне озерном (морском) она увидела прекрасного юношу по имени Жальтис (Жилвинас; в переводе с литовского – «уж») и, разумеется, согласилась стать его женой. У Эгле и Жальтиса (Жилвинаса) родились дети – трое мальчиков и девочка.

Конечно же, Эгле скучала по дому, она сказала мужу, что хочет навестить родителей. Жальтис (Жилвинас) выдвинул, казалось бы, невыполнимые условия:

– Прежде ты должна спрясть золотую кудель, сносить пару железных башмаков и выпечь пирог в решете.

Сделать все это Эгле помогла ее нянюшка. Жальтис (Жилвинас) отпускает жену с детьми к ее родителям и говорит, как его вызвать из озера (моря), когда она придет обратно.

Братья уговаривают сестру не возвращаться к мужу, но она не поддается уговорам. Тогда братья решают убить Жальтиса (Жилвинаса), но как выманить его из воды, не знают. Выпытывают у мальчиков – те не выдают отца. Секрет дядям раскрывает племянница.

Эгле, узнав об убийстве супруга, считает и себя, и своих детей предателями и в наказание превращает себя в ель, сыновей – в дуб, ясень, березу (в литовском языке береза мужского рода), дочь в дрожащую при малейшем дуновении ветерка осину.

Имя Эгле (в переводе с литовского – «ель») всегда было популярно в Литве.

Вспоминая свое «сказочное» детство, Чюрлёнис мог повторить вслед за Александром Пушкиным: «Что за прелесть эти сказки! И каждая есть поэма!» Во всяком случае, какие-то из них нашли если не воплощение, то отражение в его музыкальных и живописных произведениях – полиптих Соната III («Соната ужа»), цикл картин «Сотворение мира» и многих других.

«Щедрость Кастукаса из детства»

Экскурсоводы в друскининкайском Доме-музее М. К. Чюрлёниса непременно расскажут посетителям две-три забавные истории о его детстве, почерпнутые ими из книги Ядвиги Чюрлёните.

Первая – пересказ истории, которую весело рассказывали сам Микалоюс Константинас и – с непроходящей даже годы спустя тревогой – его мать.

Кастукасу было года три-четыре, не больше, когда он оказался на волосок от смерти, его спасла чистая случайность.

В теплые летние дни предоставленный сам себе мальчик, по той или иной причине оказавшийся без присмотра родителей, любил поплескаться на мелководе озера Друсконис рядом с домом, побросать камушки, наблюдая за расходящимися по воде кругами. В ветреную погоду он пускал по откатной волне бумажные кораблики, а то и просто сидел на песчаном берегу или в лодке отца, вытащенной на берег, наблюдая за рыбаком, удившим с лодки рыбу. В тот злополучный день и час рыбак чинил снасти у своего дома, а жил он на противоположном берегу озера.

Неподалеку от отцовской лодки валялось старое деревянное корыто. (В рассказе Ядвиги Чюрлёните этот предмет хозяйственной утвари первый раз назван корытом, далее – бадьей, что, на наш взгляд, неверно.) Кастукас столкнул коры-

то на воду, забрался в него, оттолкнулся от дна плоской дощечкой. Затем этой дощечкой он греб, как отец веслом. Корыто было старое, разошедшееся, и в щели просачивалась вода. Кастукас, конечно же, не понимал, к чему это может привести.

Рыбаку, занятому серьезным делом, недосуг было смотреть по сторонам. Совершенно случайно он заметил на середине озера мальчугана в чем-то вроде корыта, что его чрезвычайно развеселило. Но очень скоро рыбак понял: ребенка нужно спасать!

Кастукаса хватилась мать. Аделе увидела ту же картину, что и рыбак, только с другого берега. Что делать? Бросаться в воду и плыть? Наверное, так бы и сделала. Но увидела: рыбак оттолкнул от берега лодку, вскочил в нее. Несколько мощных взмахов веслами, и лодка его стремительно приблизилась к маленькому «мореходу». Вода в корыте уже доходила ему до щиколоток. Смена «плавсредства» в планы Кастукаса не входила. Рыбаку пришлось применить силу, чтобы перетащить разрыдавшегося сорванца к себе в лодку.

– А вообще-то путешествие было прекрасным! – иронично поглядывал на мать взрослый сын.

Вторая история такая.

Аделе ушла по делам в город. Кастукас забрался на чердак – из любопытства: интересно, а что там? На чердаке были сливы – накануне мать купила два мешка для заготовок на зиму. Сливы оказались вкусными. Наевшись досыта, Ка-

стукас выглянул в чердачное окошко и увидел: во двор зашел соседский мальчишка. Кастукас окликнул его и кинул несколько слив (у Ядвиги Чюрлёните – «пригоршню». Трудно представить крохотную детскую ручку с «пригоршней» слив. – Ю. Ш., В. Ж.).

– Вкусная, – оценил соседский мальчишка, надкусив одну, а выплюнув косточку последней, мечтательно сказал: – Я съел бы еще!

– На! Лови!

Кастукас бросил еще несколько слив. Ни одной, конечно, соседский мальчишка не поймал. Подобрал с земли, каждую вытер о штаны. Мимо дома Крисюкаса проходили другие соседские мальчишки.

– Эй, что там такое?!

– У Кастукаса слив два мешка! Хотите попробовать?

Кастукас кинул слив и им.

Очень скоро получилась веселая забава. Кастукас бросал с чердака сливы, мальчишки какую ловили, какую с земли подбирали, выхватывали из-под рук друг у друга, – все это делалось весело, шумно. Кастукас бросал сливы и хохотал. Не удивительно, что возвращавшаяся домой Аделе не увидела, а услышала, что у них во дворе что-то происходит. Потом увидела в чердачном окошке сына, «оглашающего воздух радостными воплями» (Ядвига Чюрлёните). Забравшись на чердак, Аделе поняла: хозяйству нанесен некоторый (это мягко говоря) ущерб, – Кастукас опустошил больше полови-

ны одного из мешков.

Рассказывая эту историю взрослым детям, Аделе говорила:

– Щедрость Кастукаса из детства. Я уже тогда говорила соседям: «Мой Кастукас никогда не будет таким скрягой, каким был его дедушка!»

Третью историю расскажем не сейчас – она из более позднего времени.

До Перми и «даже дальше»

Друскининкай расположен в Дзукии. Это один из историко-культурных регионов Литвы.

Кроме Дзукии, есть еще Аукштайтия, Жемайтия, Сувалкия, а также «малая Литва» – западный регион, побережье Балтийского моря – Поланген (после 1917 года – Паланга), Куршская коса.

Литовцы утверждают, что даже темперамент проживающих в этих регионах разный. При случае могут притчу рассказать – в доказательство слов своих.

Как-то черт, разозлившись на литовцев, часто поминающих его недобрым словом, решил их наказать. Взял из каждого региона Литвы по человеку, посадил в мешок, отколотил всех вместе палкой и бросил мешок на дороге. Но не уходит. Интересно ему, как поведет себя каждый из побитых. Первым из мешка выбрался аукштайтиец. Сразу бросился бежать – только пыль столбом! Вторым вылез дзукиец, крутится вокруг мешка, бока помятые чешет.

Черт спрашивает:

– Ты почему не убегаешь?

– Жду, пока другие вылезут, пойдем вместе и заьем горе в корчме.

Третьим показался сувалкиец и, оглядываясь, взялся за край мешка.

Черт:

– Чего за мешок-то держишься?

– Когда последний вылезет, я мешок заберу, –
объясняет сувалкиец.

А жемайтиец всё в мешке сидит.

Черт:

– Ты-то чего не вылезаеть?

– Э-э-э, – отвечает жемайтиец, – кто меня засунул в мешок, тот пусть и достает!

Как говорится, в каждой притче лишь доля шутки. Конечно, далеко не все аукштайтийцы индивидуалисты, сувалкийцы скопидомы, жемайтийцы медлительные и упрямые, а дзукийцы – рубахи-парни. К Константинасу Чюрлёнису это можно отнести в полной мере.

О происшествии, о котором сейчас расскажем, возможно, следовало бы умолчать, но, во-первых, как говорится, из песни слова не выкинешь, а во-вторых, история эта известна тем, кто интересуется жизнью М. К. Чюрлёниса, и умолчимы, проявим свою некомпетентность.

Константинас (отец) всю жизнь оставался заядлым рыболовом, а вот страстным охотником был только в молодости. Он не был кровожаден и убитой дичи не радовался, она была лишь средством пропитания. Охотничьи рассказы, которыми отец делился с детьми долгими зимними вечерами, были увлекательными, прежде всего как романтические приключения.

Охота для Константинаса была поводом уйти в лес, в по-

ля, на болота и блаженно бродить в одиночестве, пусть и с ружьем на плече. Эти его вылазки имели философский и природоведческий характер. Во время прогулок он думал о смысле жизни, наблюдал за птицами, слушал их голоса, учился подражать свисту иволги, уханию филина; зимой учился узнавать следы диких животных, следил за их повадками.

Дочь Константинаса Ядвига назвала охотничьи хождения отца «страстью к бродяжничеству».

В один из не самых удачных для Аделе и трехлетнего Ка-стукаса день Константинас ушел из дому. Ни от жены (жили они душа в душу), ни от сына, которого обожал, а, как он сам объяснял, «просто так – на свет поглядеть».

Жена Опермана, узнав о случившемся, примчалась в Друскеники, забрала Аделе с сыном к себе.

Константинас вернулся через год. Аделе не сразу согласилась принять его обратно.

Константинас не любил вспоминать и рассказывать о своем путешествии, но из косвенных разговоров домашние узнали, что добрался он до Перми и «даже дальше – до Сибири».

Вероятно, на каком-то генетическом уровне от отца Ка-стукасу достались склонности к фантазиям и романтике. Он мечтал о более далеких путешествиях – в Африку, Индию и Австралию.

Дотянуться до клавиатуры

«Наш дом был музыкальным, – пишет Ядвига Чюрлёните. – Почти все дети умели играть на пианино, одни лучше, другие хуже. Музыка заполняла всю жизнь семьи: она была необходима как воздух, как солнце, как лекарство больному».

У Чюрлёнисов было пианино – «устаревшей конструкции». Приглашенный настройщик привел его, насколько было возможно, в рабочее состояние. Но с клавиатурой он совладать не смог – она оставалась тугой и с трудом поддавалась пальцам, детским – тем более. И все же Константинасу было на чем детей учить играть, первым – Кастукаса.

Ядвига Чюрлёните утверждала, что в семье абсолютный слух был у троих – у Кастукаса, Пятраса и у нее. Профессионального музыкального образования все дети не могли получить только из-за отсутствия материальных возможностей.

Вначале детей музыке учил отец, затем «перепоручил» младших старшим.

«Маленький Кастукас вместе с отцом играл в костеле на органе; он не только помогал отцу, но уже в девять лет занимал место за органом, и в храме звучала исполняемая им музыка».

Предыдущее предложение взято нами в кавычки не случайно. Обращаем внимание на возраст юного органиста – де-

вать лет. Внимательно знакомясь с публикациями о Чюрлёнисе, можно прочесть и следующее: «Константинас приво-
дил шестилетнего Кастукаса в костел, и мальчик полностью
пробуждался ото сна, играя “адинки” (то есть на католиче-
ском молебне, читавшемся по воскресеньям в шесть часов
утра); доктор Маркевич (о нем позже. – Ю. Ш., В. Ж.) был
удивлен и обрадован способностями к музыке пятилетнего
сына своего нового друга. Он слушал его игру не только на
оргane, но и на пианино. На пианино Кастукас исполнял пе-
сенки, легонькие пьесы».

Борис Леман в очерке «Чурлянис» (1912; 1916) пишет:
«Уже рано в будущем художнике сказалось влечение к му-
зыке, и пяти лет мы видим его карабкающегося на стул, чтоб
дотянуться до клавиатуры рояля».

Трудно себе представить пятилетнего малыша, «дотяги-
вающимся до клавиатуры рояля», которого в доме Чюрлёни-
сов не было и быть не могло, хотя бы потому, что и дома-то
у них не было. Но еще труднее представить пяти-шестилет-
него ребенка, играющего на органе.

Из книги в книгу, из публикации в публикацию в пери-
одике, а теперь и в интернете перекочевывает информация
о том, что наш герой азы игры на органе начал постигать в
столь юном возрасте. Едва ли это так.

Органисты рекомендуют начинать обучение игре на орга-
не самое раннее лет в девять-десять.

Известный американский музыкант Малкольм Когут⁹ пишет:

«Некоторые старые учителя советовали учиться играть [на органе] только после пятнадцати лет или около того, когда мениск, кости и сухожилия в значительной степени сформированы. У многих методистов и учителей есть свои собственные мнения на этот счет.

После самого первого урока у ученика, независимо от возраста или инструмента, движение жестко встроено в мозг, и если это неправильное движение, он будет вести заурядную жизнь. Вот почему первый учитель должен быть самым лучшим.

Напротив, прелесть того, что ребенок начинает играть с самого раннего возраста, заключается в том, что он, естественно, играет с руки. Очень маленькие дети инстинктивно знают, что пальцы недостаточно сильны и не эргономичны для игры, поэтому они естественным образом играют с весом руки и часто с идеальным выравниванием предплечья и локтя. Это жизненно важный первый урок, который дети постарше часто не понимают, потому что вредные привычки к движениям уже начали укореняться и закрепляются в мозгу из-за других занятий.

Молодые, маленькие тела не способны полноценно играть на органе, если они не могут дотянуться до мануалов или педалей. Многие скамейки для органа не регулируются, что

---

⁹ Malcolm Kogut (англ.).

может серьезно повлиять на способность ученика играть, но, что более важно, может быть нарушена осанка, эргономика и техника. Более зрелое тело может достичь того, чего ему нужно достичь, и, надеюсь, обучено вносить надлежащие эргономические изменения в тело, чтобы облегчить доступ к руководствам, которые не находятся на должной высоте...»

Теперь о костеле, где на органе играли отец и сын Чюрлёнисы. Это не костел Пресвятой Девы Марии Шкаплерной, являющийся одной из достопримечательностей Друскининкая. Существующий ныне начали возводить в 1912 году, причем так, что старый костел, невысокий, уютный, белый, оставался некоторое время внутри возводимого. Строительство прервали Первая мировая война, революционные события – оно возобновилось только в 1924 году и закончилось в 1931-м.

Прежний костел, кстати, запечатлен на рисунках Чюрлёниса.

Проходя мимо костела

– Моим сватом стал оргán! – говорила, как помнит читатель, Аделе детям, вспоминая свое знакомство с будущим мужем, их отцом.

Оргán оказался судьбоносным и для нашего героя, Микалоюса Константинаса Чюрлёниса.

Как-то, проходя мимо костела, доктор Маркевич услышал исполняемый на органе хорал Баха. Он вошел внутрь, долго слушал музыку, потом подошел к органисту и представился:

– Маркевич, Юзеф. Доктор.

В ответ услышал:

– Чюрлёнис, Константинас. Органист. – Константинас выдержал паузу и иронично заулыбался: – Извините, кто в Друскениках не знает доктора Маркевича!

«Черты лица его, правильные, были самые благородные. Высокий и худой, одет он был – по погоде – в плащ с пелериной, который только усиливал сутулость еще не старого человека, но производил он впечатление усталого человека».

Новые знакомые заговорили о музыке. Очень скоро выяснилось, что доктор Маркевич не просто любит музыку, но прекрасно разбирается в ней и даже играет на клавишных инструментах. (Есть свидетельства, что Маркевич имел не только медицинское, но и музыкальное образование.)

Чюрлёнис предложил Маркевичу сесть за орган, тот с бла-

годарностью согласился.

Чюрлёнис вызвался проводить доктора до его дома.

Вообще-то доктор Юзеф Маркевич (русские варианты имени – Иосиф, Осип) жил в Варшаве, но на каждый курортный сезон приезжал в Друскеники, где имел практику и собственный дом. Деревянный, одноэтажный, с резными карнизами и декоративно оформленными крылечками, выкрашенный в желтый цвет, дом 17 на улице Йокуба¹⁰ друскинкайцам известен как вилла Маркевича, он привлекает внимание курортников и туристов и в настоящее время.

После смерти доктора Маркевича в 1923 году его старший сын Витольд Осипович, являвшийся с 1927 года бурмистром (по другим источникам – бургомистром, что, впрочем, равнозначно) города-курорта, сохранил родительский дом.

По окончании Второй мировой войны в нем размещались – последовательно – детская поликлиника, библиотека. Отреставрированный, он и официально стал называться «виллой Маркевичей».

---

¹⁰ Вариант названия – улица Святого Якуба.

Едва ли они были знакомы

С 1996 года на вилле находится Музей... Жака Липшица, известного, как сказано в энциклопедических словарях, французского и американского скульптора-модерниста и художника.

Жак Липшиц (Хаим Яков – таково его имя при рождении) уроженец Друскеник, в родном городке жил до поступления в коммерческое училище в Белостоке. Затем был Париж – Школа искусств и частная Академия Жюлиана, знакомство с Пабло Пикассо, Амедео Модильяни, Хуаном Грисом.

К концу 1920-х годов Жак (уже Жак!) стал одним из самых востребованных скульпторов Франции.

В 1941 году, после оккупации Франции немецкими войсками, Липшиц бежал из Парижа в США, осел в Нью-Йорке и там был признан как выдающийся художник – в широком смысле этого слова. В 1946-м он вернулся в Париж, но вскоре снова уехал в США; в 1958-м получил американское гражданство. В 1973 году Жак Липшиц поселился на острове Капри. Похоронен в Иерусалиме.

Широко известен написанный Модильяни маслом портрет Жака Липшица и его жены Берты – он хранится в Чикагском институте искусств.

В Друскининкае на средства Липшица установлена стела в память о замученных и расстрелянных жертвах геноцида

его родного города; на граните высечен текст на трех языках: на идиш, литовском и русском:

«Узникам еврейского гетто
1941–1943».

Благодарные земляки установили памятник и самому Липшицу на улице Йокуба, у дома 17, то есть рядом с виллой Маркевичей. Есть в Друскининкае еще и Парк скульптур имени Жака Липшица.

Чюрлёнис и Липшиц в одно и то же время ходили по одним и тем же улицам, но едва ли знали о существовании друг друга; когда Липшиц в 1899-м, в возрасте восьми лет, навсегда покинул Друскеники, Чюрлёнис постигал музыкальную грамоту в Варшавском музыкальном институте и в Друскениках бывал редко. И все же, можно предположить, что маленький Хаимчик, проходя или пробегая по Надозёрной улице, слышав чарующие звуки фортепиано, льющиеся из распахнутого окна одного из домов, останавливался и, вскинув ручонки на штакетник, слушал игру Микалоюса Константинаса Чюрлёниса.

Однозначно же можно утверждать: Чюрлёнисы, отец и его старший сын, бывали на вилле Маркевичей.

«Память о нем нуждается в защите от забвения»

Из откровенных разговоров с доктором Маркевичем Константином Чюрлёнис узнал многое о нем такого, о чем не принято было распространяться, и все же значительно меньше, чем известно нам благодаря изысканиям гигиениста и историка медицины Федора Игнатовича и публикации в «Журнале Гродненского государственного медицинского университета» (№ 1, 2015 год) его статьи «И. И. Маркевич: Известный врач, музыкант и общественный деятель».

В воспоминаниях Ядвиги Чюрлёните Маркевич – Юзеф. У поляков нет такого понятия как отчество – у белорусов есть. Поэтому у Игнатовича Маркевич – Иосиф Иванович. Упоминает Игнатович и еще один русский вариант его имени: «В Российском медицинском списке он упомянут впервые в 1860 году как Маркевич Осип».

Иосиф Иванович Маркевич родился в Белоруссии, в имении Щёново Новогрудского уезда, в 1834 году, и таким образом был старше Константина Чюрлёниса лет на десять, может, на двенадцать; напомним: тот родился не то в 1846-м, не то «около того».

В Виленской гимназии у него проявился интерес к музыке. Родители поспособствовали тому, чтобы сыну уроки фортепиано давал всемирно известный органист и пианист

Станислав Монюшко (вариант написания фамилии – Монюшка. – *Ю. Ш., В. Ж.*), считающийся создателем белорусской и польской оперы. Семья Маркевич часто испытывала финансовые затруднения, и тогда Монюшко занимался с Иосифом бесплатно.

После окончания Виленской гимназии, несмотря на увлечение музыкой, Иосиф решил посвятить себя медицине. Обучаясь на медицинском факультете Московского университета, Маркевич продолжал заниматься музыкой. Получив диплом лекаря, он почти три года бесплатно работал в клинических больницах Москвы, чтобы приобрести практический опыт и повысить свою квалификацию.

Для дальнейшей жизни и деятельности Иосиф Иванович Маркевич, ставший уже доктором, избрал малую родину – Гродненскую губернию. По распоряжению губернского врачебного инспектора он возглавил Гродненскую окружную лечебницу.

В январе 1863 года на территории Царства Польского, Северо-Западного края и Волыни вспыхнуло национально-освободительное восстание против власти Российской империи. В историю оно вошло как Польское восстание 1863–1864 годов, или Январское восстание; завершилось поражением повстанцев и привело к активизации антипольской политики российских властей.

В Гродно возникла нелегальная революционная организация, которой руководил частнопрактикующий врач Целе-

стин Цехановский. Причастным к ней оказался и Иосиф Маркевич – ему поручили собирать денежные средства на нужды восставших. Этому способствовали служебное положение, обширные связи с населением. Несмотря на предосторожность, это не осталось незамеченным и привлекло к нему внимание властей. Среди арестованных нашлись недоброжелатели, которые дали против него показания. Маркевич был арестован и предан военно-полевому суду. На следствии вел себя мужественно и признался только в сборе денежных средств «в пользу арестантов», а участие в нелегальной революционной организации всячески отрицал. Из-за недостаточности улик суд вынужден был его освободить, но под надзор полиции. После выхода из тюрьмы он снова начал собирать пожертвования, но заболел. Вскоре после выписки из госпиталя Маркевича арестовали; как «неблагонадежному» ему даже угрожала смертная казнь.

Подход к решению проблем у гродненского, минского и виленского генерал-губернатора Михаила Муравьева заключался в убеждении, что чем жестче он возьмется за подавление восстания, тем скорее и с меньшим числом жертв его подавит. В историю он вошел как Муравьев-Виленский и как Муравьев-вешатель, поскольку прибегал и к мерам устрашения – публичным казням, которым, однако, подвергались лишь непримиримые участники восстания и виновные в убийствах и которые осуществлялись лишь после тщательного разбирательства. Всего за годы правления Мура-

вьева были казнены 128 человек, еще от 8,2 до 12,5 тысячи человек было отправлено в ссылку, в арестантские роты или на каторгу.

Приговор, вынесенный Муравьевым Иосифу Маркевичу, оказался менее суровым, чем следовало ожидать: сослать на жительство в Пермскую губернию под строгий надзор полиции, а на его имущество наложить секвестр. При проведении инвентаризации установлено, что ему принадлежали следующие вещи: комнатная мебель, носильное платье, чайный и столовый прибор из накладного серебра – всего на сумму 126 рублей 55 копеек. В 1866 году это малоценное имущество было возвращено владельцу.

В связи с тяжелой болезнью Иосифа Маркевича его жена Валерия (из рода Пилецких) обратилась к Муравьеву с прошением: дескать, муж не может ехать в Пермь, так как страдает эпилепсией и аритмией сердца, из-за чего вынужден часто лечиться в госпитале.

По указанию генерал-губернатора было проведено медицинское освидетельствование Маркевича, комиссия подтвердила плохое состояние здоровья арестованного, но выдала заключение, что следовать в ссылку он может в сопровождении лица, сведущего о его болезнях. На жительство Маркевич был определен в Красноуфимск, затем переведен в Шадринск.

Вслед за ним туда добровольно прибыла и жена. В связи с бедственным положением Маркевич вынужден был обра-

щаться к местным властям с просьбой о назначении денежного пособия.

Об этом 28 февраля был поставлен в известность гродненский губернатор, но он отказал в пособии, поскольку доход от конфискации имущества ссыльнопоселенцев был незначительным.

Пермскому губернатору ничего не оставалось, как приказать губернской казенной палате назначить им испрашиваемое пособие. В дальнейшем, чтобы прекратить выдавать это пособие, власти решили перевести Маркевича дальше за Урал, в Талицы. Из-за недостатка врачей там ему разрешили работать по специальности.

Разрешение покинуть Сибирь Маркевич получил в 1868 году, когда закончился четырехлетний срок ссылки. Право на свободное поселение он получил в урезанном виде. Ему было запрещено проживание в обеих столицах и на родине, в имении Щёново Новогрудского уезда.

В 1871 году он обратился во врачебное отделение Гродненского губернского правления с просьбой о выдаче аттестата о предыдущей службе. В документе, который ему был выдан, указывалось о его увольнении из окружной лечебницы за причастность к восстанию и ссылке в отдаленные губернии. С таким аттестатом поступить на государственную службу в белорусских губерниях было невозможно. Поэтому по возвращении из Сибири Маркевич поселился в Варшаве, где в то время можно было свободно заняться частной

практикой. Как сторонник гуманизма и человеколюбия, он решил посвятить себя общественной медицине и благотворительности.

Наряду с вынужденной частной практикой ему также удалось устраиваться на работу в богоугодных заведениях, которые считались отчасти государственными. В городе имелось несколько амбулаторий для лечения малообеспеченных слоев населения. Наиболее трудной была его работа в лечебнице, расположенной в доме 16 по улице Северинов. Она принадлежала Обществу опеки над неизлечимыми больными. Как опытный специалист он много внимания уделял лечению больных и уходу за ними. Неудивительно, что его затем назначили руководителем этой лечебницы.

Выбор Варшавы местом жительства был обусловлен еще и непреходящим интересом доктора Маркевича к музыкальному искусству. Здесь к тому времени в должности главного дирижера Большого театра служил Станислав Монюшко. Он также преподавал в музыкальном институте. В него допускались и вольнослушатели. Прежние доброжелательные отношения ученика и учителя восстановились. Вполне возможно, что страстный любитель музыки Иосиф (он же Юзеф) Маркевич получил диплом о высшем образовании по классу фортепиано. Он очень любил музыку и почитал Баха, часто исполнял его произведения на органе. Однако, несмотря на столь серьезное увлечение музыкой, основным его призванием оставалась медицина.

Имея в Варшаве постоянную практику, доктор Маркевич стал с мая по сентябрь выезжать для подработки в бальнеологический курорт Друскеники. Местное население и пациенты сразу полюбили нового врача за простоту, бескорыстие и высокую культуру. Как опытный терапевт-бальнеолог и организатор, он фактически заменил недавно умершего главного врача курорта Ивана (Яна) Игнатъевича Пилецкого.

На вилле у Маркевича, отличавшегося высокой образованностью и человеколюбием, бывали многие знаменитые посетители курорта.

Развитие Друскеникских минеральных вод, как и многих других частных курортов, проходило с большими трудностями. Основной причиной было недостаточное финансирование. Поэтому с 1880 года правительство начинает выкупать их для передачи в государственную собственность. Но часть из них оставалась на правах частной собственности или аренды. Император Александр III решил, что «для продолжения и развития действий заведения минеральных вод, существующего в м. Друскеники (Гродненской губернии, Гродненского уезда), принадлежащего статскому советнику Владимиру Юльевичу Джулиани, утверждается акционерное общество под названием “Общество Друскеникских минеральных вод”». Местным губернатором селение Друскеники переименовано в местечко Друскеники, а курорт передан созданному акционерному обществу.

В число шести утвержденных учредителей общества вхо-

дил и доктор Иосиф Иванович Маркевич. Руководило курортом правление. Его председателем и одним из членов должны были состоять врачи. Маркевич неоднократно избирался на эти должности.

При его активном участии после перехода курорта в акционерное общество значительно расширилась лечебно-курортная база.

Многие годы Иосиф Иванович Маркевич добросовестно исполнял обязанности как курортного, так и частнопрактикующего врача, исцеляя пациентов в лечебнице и в приемной своего дома. К нему могли обращаться за помощью не только в Друскениках, но и в Варшаве (улица Святого Креста, дом 22, ежедневно, кроме воскресенья, с 5.30 до 6.30 вечера). Как и другие врачи, для оздоровления и лечения он с успехом применял ванны: соляные, грязевые, электрические, солнечно-воздушные, песочные, речные и пр. Они помогали при болезнях сердца, желудка и кишок, мочевых путей, нервной системы, мужской и женской половой сферы, ревматизме, подагре, параличе, анемии и др. К нему предпочтительно обращались многие отдыхающие и пациенты. От него можно было получить и бесплатные советы.

До преклонного возраста Иосиф Иванович отдавал всего себя не только врачебной, но и общественной деятельности. Он участвовал в работе отдельных добровольных медицинских, оздоровительных и просветительских объединений. После переезда из Сибири в Варшаву он вступил в Об-

щество варшавских врачей, действовавшее в этом городе с 1821 года. За активное участие в его деятельности в 1917 году ему было присвоено звание почетного члена этого общества.

В Друскениках он входил в состав Российского общества охраны народного здоровья, избирался заместителем председателя местного отделения. Многие годы участвовал в работе Общества друскеникских минеральных вод как член его правления.

У Иосифа Маркевича была большая семья: пятеро сыновей – Витольд, Марьян, Станислав, Ян, Петр и две дочери – Анна и Валерия.

В статье Федора Игнатовича впервые представлены многие новые данные о враче-подвижнике, патриоте и гуманисте Иосифе Маркевиче, по достоинству оцениваются его жизненный путь и успехи за 65 лет профессиональной, благотворительной и общественной деятельности.

Федор Игнатович – наш современник, его рассказ об Иосифе Маркевиче – монографическое исследование; автор опирается на документы, но и – в каких-то случаях – на воспоминания, в частности, той же Ядвиги Чюрлёните, значит, допустимы и погрешности, поскольку всем воспоминателям свойственная аберрация. Маленький пример: «Гостя-музыканта из Варшавы (Иосифа Маркевича. – Ю. Ш., В. Ж.) поражало в нем (Кастукасе. – Ю. Ш., В. Ж.) то, что в пять лет он, не зная нотной грамоты, уже мог по памяти воспроизведе-

сти на органе и пианино небольшие музыкальные произведения».

Текст в «Журнале Гродненского государственного медицинского университета» иллюстрирован портретной фотографией Иосифа Маркевича: солидный, интеллигентный мужчина – седовласый, с бородкой широким «клином», в круглых очках.

Рассказывая столь подробно о докторе Маркевиче, мы в какой-то степени следуем призыву Федора Игнатовича: «Память о нем нуждается в защите от забвения». Тем более что переоценить роль и значение Иосифа Маркевича в судьбе Микалоюса Константинаса Чюрлёниса невозможно.

Доктор Маркевич бывал и в доме Чюрлёнисов, но не часто – в течение того первого лета, когда он познакомился с семьей органиста Чюрлёниса – раза два-три.

Кто бы ни открыл ему дверь (кроме Аделе), спрашивал:
– Пани Констановна дома?

Такое странное обращение себе позволял.

Здоровались они с «пани Констановной» необычно – по старому польскому обычаю целуя друг друга в плечо. Каждый раз с полчаса говорили о детях: ее, его. (Называл он это «сеансом психологической терапии».)

Дружеские отношения семейств Чюрлёнис и Маркевич сложились на долгие годы. Более других Кастукас подружился с Марианом и Петром.

«Полька-сторублевка»

Кастукасу было лет восемь. Он уже учится в школе. Отец обучал его игре на пианино по нотам. Нот в доме было очень мало. В Друскениках – в продаже – тоже, да и в Гродно – до него 45 верст – не купить. За нотами надо ехать либо в Вильну, либо в Варшаву. Кто же за одними нотами поедет? И до того, и другого города 130 верст. Константинас, чтобы хоть как-то разнообразить репертуар сына, брал ноты у знакомых.

С нотами как раз и связана третья, обещанная нами, история.

Летним днем Кастукас вбежал в дом с криком:

– Мама, мама! Венгр приехал. Он с таким большим узлом! Что там у него? Пусть покажет!

Венгр – бродячий торговец. Бродячие торговцы ходили по городу и предлагали всякую всячину, прежде всего то, что можно определить как товар первой необходимости: ткани, нитки, иголки, белье, детские игрушки, ножницы.

В увесистом узле венгра, которого Аделе пригласила в дом, ассортимент был привычный. Но Аделе присмотрела скатерть. Под скатертью, на самом дне узла, оказались ноты – в яркой обложке.

– Мама, мама, смотрите! – закричал Кастукас. – Ноты, ноты!

На обложке было по-польски написано только два слова:

«Polka-storablewka» – «Полька-сторублевка».

Аделе ушла в другую комнату – посмотреть, сколько в наличии денег, хватит ли на скатерть.

Кастукас робко посмотрел на венгра:

– Можно я попробую играть? Не бойтесь, ноты я не порву и не испачкаю, я при вас поставлю их на пюпитр.

Венгр кивнул.

Кастукас сел за фортепиано и заиграл польку. Венгр слушал, сидя на краешке стула.

Вернулась Аделе. Венгр резко поднялся:

– Ого-го! Пани, да у вас музыкант растёт! Обязательно купите ему эти ноты! Я вам сделаю хорошую скидку. В сущие копейки обойдутся!

Аделе протянула сложенную купюру – венгр развернул, разгладил:

– Здесь хватит и на скатерть, и на ноты.

Оркестр, исполняющий в сезон в городском парке вальсы из оперетт, – ничего другого в Друскениках не было. Однако дети Константинаса и Аделе Чюрлёнис были воспитаны на другой музыке и к вальсам относились с пренебрежением. И все же Кастукас «Польку-сторублевку» играл не переставая, пока не выучил наизусть.

Будучи у Чюрлёнисов, доктор Маркевич стал перебирать довольно скромную нотную «библиотечку». Ноты «Польки-сторублевки» повертел в руках, не скрывая иронии.

В следующий раз доктор Маркевич пришел с нотами «Маленьких прелюдий и фуг» Иоганна Себастьяна Баха.

– Это тебе, Кастукас, подарок! Играй.

Кастукас знал: отцу очень нравятся прелюдии и фуги Баха в исполнении доктора Маркевича. Взяться за их исполнение в присутствии отца он не решался. Однажды, когда отец отправился на рыбалку, Аделе подтолкнула сына к пианино:

– Разучи прелюд, который в прошлый раз у нас играл доктор Маркевич.

Вечером, возвращаясь с уловом, Константинас подходит к дому и – что он слышит? Маленький прелюд Баха. Остановился. Послушал. И – с порога:

– Аделе, неужели пан Маркевич так поздно в гости пришел?! Конечно, кто же еще может так хорошо и чисто играть!

Входит в комнату, а за пианино Кастукас!

Больше в доме Чюрлёнисов «Полька-сторублевка» не звучала.

Ноты «Маленьких прелюдий и фуг» Чюрлёнис бережно хранил всю свою жизнь.

«Не успеваю за собой записывать»

Игре на пианино Кастукаса учили и знакомые отца – пенсионеры, в прошлом преподаватели музыки – Позюмскене, Старпейкене.

Маркевичи дружили с семьей де Ласси. Дружили взрослые – подружились и дети. Мария Ундойтч, воспитательница Пети и Кати де Ласси, предложила заниматься с Кастукасом музыкой, а затем и с его братьями Пятрюкасом и Йонукасом. Мария блестяще играла на пианино, любила играть и на органе. Случалось, подменяла Константинаса в костеле.

Кастукасу чем-то не понравилось то, как с ним занимается «барышня» Ундойтч – трудно сказать, в педагогическом ли плане или в музыкальном (может быть, ее не устраивала склонность воспитанника к импровизации?), он заупрямился и перестал ходить на уроки.

Дома за пианино он садился без чьих-либо понуканий и не спешил закрыть крышку инструмента.

Прислушавшись к тому, что исполняет сын, отец как-то спросил:

– Что ты играешь? Не узнаю.

– Я и сам не знаю, что, – отвечал сын. – Я просто играю, и все.

Отец купил нотную тетрадь и посоветовал Кастукасу записывать то, что он исполняет. Какое-то недолгое время Ка-

стукас послушно выполнял наказ отца, но неожиданно перестал. Объяснил так:

– Я не успеваю за собой записывать.

Эта история из книги воспоминаний Ядвиги Чюрлёните, которая, напомним, была младше Кастукаса почти на четверть века. Она пересказывает чей-то рассказ. Так ли было на самом деле? Позволим себе усомниться – он был еще слишком мал, чтобы «записывать за собой». Да и владел ли он в том возрасте нотной грамотой?..

Время для игры на пианино у Кастукаса находилось всегда – его не приходилось отвлекать от детских забав, которые, конечно же, не были ему чужды. Вместе с соседскими мальчишками летом купался, ловил рыбу в озерах, в Немане. Вечером, проголодавшиеся, всей оравой вваливались в гостеприимный дом Чюрлёнисов, и за большим обеденным столом «тетушка Чюрлёнене» потчевала их – с пылу с жару – восхитительными картофельными блинами – драниками.

Августовским днем дружной компанией отправились в деревню Ратнича на большой храмовый праздник; потом долго вспоминали, как весело и торопливо шли лесной дорогой, как пили в корчме хлебный квас с изюмом и слушали рассказы корчмаря о Польском восстании 1863–1864 годов, участником которого он был.

В 1885-м Кастукас окончил начальную школу. Ему десять лет. Деньгами для дальнейшего обучения сына семья не рас-

полагает. Да и дома дел для него невпроворот. Все меньше времени Кастукас проводит с друзьями – все больше с братьями и сестрами, число которых постоянно увеличивается. Каждые два-три года в семье Чюрлёнис прибавление! Как обычно в многодетных семьях, старшие воспитывают младших. Больше всего всегда достается самым старшим. Самый старший – Кастукас. Чем ему только не приходилось заниматься! Даже плетением косичек сестрам.

Кастукас устраивает игры, прогулки, придумывает развлечения.

«Фантазия его была неиссякаема, и не было предела его доброте и сердечности. Такие отношения с младшими в семье сохранились на всю жизнь», – напишет в мемуарах Ядвига Чюрлёните.

Не обходилось и без конфликтов. Более других бывал непослушным Пятрюкас. Братья и сестры называли его Пятрюкас-Самсон. Не всегда у воспитателя хватало терпения, мог и шлепнуть. У обиженного Пятрюкаса-Самсона даже сорвалось с языка:

– Мачех!

Братья и сестры посмеялись над «мачехом», но получилось так, что Мачехом стали называть не Кастукаса, а Пятрюкаса-Самсона.

Кастукас учил младших читать и писать.

Доктор же Маркевич, всякий раз привозя из Варшавы Чюрлёнисам ноты, говорил Константинасу:

– Кастукасу необходимо серьезно заняться музыкой.

В числе пациентов Иосифа Маркевича был князь Михаил Огинский¹¹, приезжавший в Друскеники из своего имения в Плунгянах¹².

Князь был внуком Михаила Клеофаса Огинского, политического деятеля Речи Посполитой и Российской империи, одного из лидеров восстания Тадеуша Костюшко, почетного члена Виленского университета, члена Правительствующего сената (*et cetera, et cetera, et cetera*); Михаил Клеофас, как бы теперь сказали, был композитор-любитель, он автор полонеза «Прощание с Родиной», широко известного как «Полонез Огинского».

---

¹¹ Иначе – Михал Огиньский; Michał Mikołaj Ogiński (*польск.*).

¹² Ныне Плунге, Литва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.